

Мимоход Р.А.

ПОГРЕБЕНИЯ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Статья посвящена проблеме выделения в Волго-Уралье погребальных памятников финала средней бронзы. Обосновывается наличие в регионе особой волго-уральской посткатакомбной группы, которая своим происхождением связана с раннелолинской культурой Восточного Предкавказья и принимала непосредственное участие в сложении памятников синташтинского типа.

С выделением поскатакомбного пласта памятников в Предкавказье и Нижнем Поволжье культурная ситуация на юге Восточной Европы на рубеже среднего и позднего бронзового веков стала понятнее. Выяснилось, что фактически по всему ареалу распространения катакомбных культур на их основе в финале СБВ сформировались посткатакомбные культурные образования: днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры [Литвиненко 2009], криволукская культурная группа в нижневолжском регионе [Мимоход 2004], лолинская культура и кубанская группа в Предкавказье [Мимоход 2006; 2007]. Всех их следует рассматривать в рамках единого блока [Мимоход 2005]. Постепенно «загадочных» территорий, на которых катакомбные памятники странным образом доживали до появления позднебронзовых, становилось все меньше. Последним слабым форпостом для защиты этой идеи оставалась территория Волго-Уралья. Причем, данный регион всегда считался периферийным для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. В результате даже появилась весьма своеобразная гипотеза о доживании в Южном Приуралье до начала позднего бронзового века позднеямной культуры, которая приняла участие в сложении Синташты [Зданович Г. 2002, с. 43; Моргунова 2002, с. 114; Виноградов 2003, с. 259; Малютина, Зданович 2004, с. 81; 2005 с. 20-21, 29]. Отсутствие, а точнее невыделенность, археологических материалов (за исключением немногочисленных абашевских и вольско-лбищенских), которыми можно было бы заполнить период финального среднего бронзового века Приуралья, прямо сказывалась на решении одного из ключевых вопросов для степной бронзы – проблемы происхождения синташтинской культуры.

В последнее время в выделении пласта памятников, который непосредственной подстилает Синташту, сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление в регионе связано с проникновением сюда носителей маныхских и волго-донских катакомбных традиций [Ткачев 2005; 2006, с. 30-59; 2006а, с. 73, 74; 2006б; 2007, с. 228-257]. Несмотря на то, что эти работы, равно как и другие [Богданов 2007], обосновано снимают возможность участия ямной культуры в формировании синташтинских древностей, тем не менее, они в очередной раз реанимируют идею стыка и генетической связи катакомбных и позднебронзовых древностей горизонта щитковых псалиев.

Проблема заключается в том, что подборка В.В. Ткачева неоднородна. Здесь действительно есть комплексы, фиксирующие проникновение в уральский регион носителей поздних волго-донских катакомбных традиций. К ним можно отнести инвентарь бофра из кургана 6 мог. Герасимовский II, комплексы Медведка 7/1, Новотроицкий I 4/3, Шумаевский II 4/1, Ефимовка IV 2/1, Покровка VIII 1/12 [Порохова 1992, рис. 4; Моргунова, Кравцов 1991, рис. 1, 4-8; Бытковский, Ткачев 1996, рис. 7, 9, 4; Моргунова и др. 2003, рис. 49, 1-3; Богданов 2006, рис. 3, 4, 4, 4; Ткачев 2007, рис. 70, 2-4].

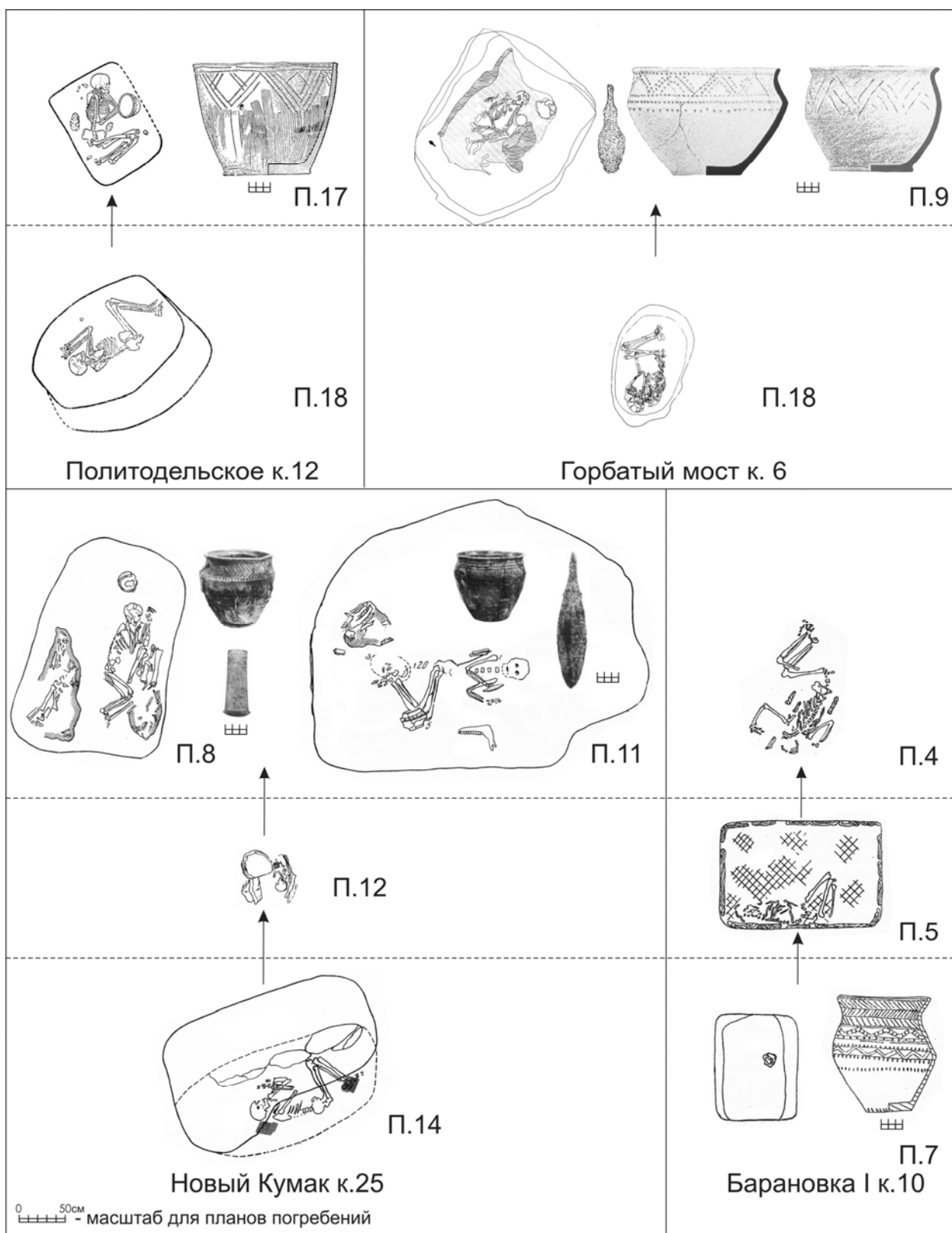

Рис. 1. Стратиграфические позиции погребений волго-уральской культурной группы

Fig. 1. The stratigraphical positions of the burials of the Volga-Ural cultural group

Однако кроме этого в Приуралье есть две небольшие группы погребений следующего хронологического периода, который непосредственно предшествует памятникам начала поздней бронзы и датируется предсинташтинским временем. Здесь обнаружены захоронения

посткатакомбной криволукской группы, основной ареал которой находится в Нижнем Поволжье. К ней относится верхний скелет п. 3 к. 5 мог. Скворцовка [Моргунова 2008]. Кроме характерной обрядности в этом комплексе у левой руки умершего находились кости ног МРС, являющиеся визитной карточкой нижеволжских посткатакомбных погребений. К этой же посткатакомбной группе, по-видимому, следует отнести и погребение 3 мог. «Учебный полигон», а также многоваликовую керамику с этого памятника [Ткачев 2007, рис. 70, II]. Отдельные комплексы криволукской культурной группы (Николаевка 3 1/1, 2/1, 3/3,4, Грачевка II 10/1, Утевка V 4/1, Калиновский I 1/4) известны и в Самарском Заволжье [Скарбовенко 1999, рис. 1, 5, 6; 3, 3; Сташенков 1999, рис. 5, Б; 2006, рис. 6, I; Кузнецов 2002, рис. 31].

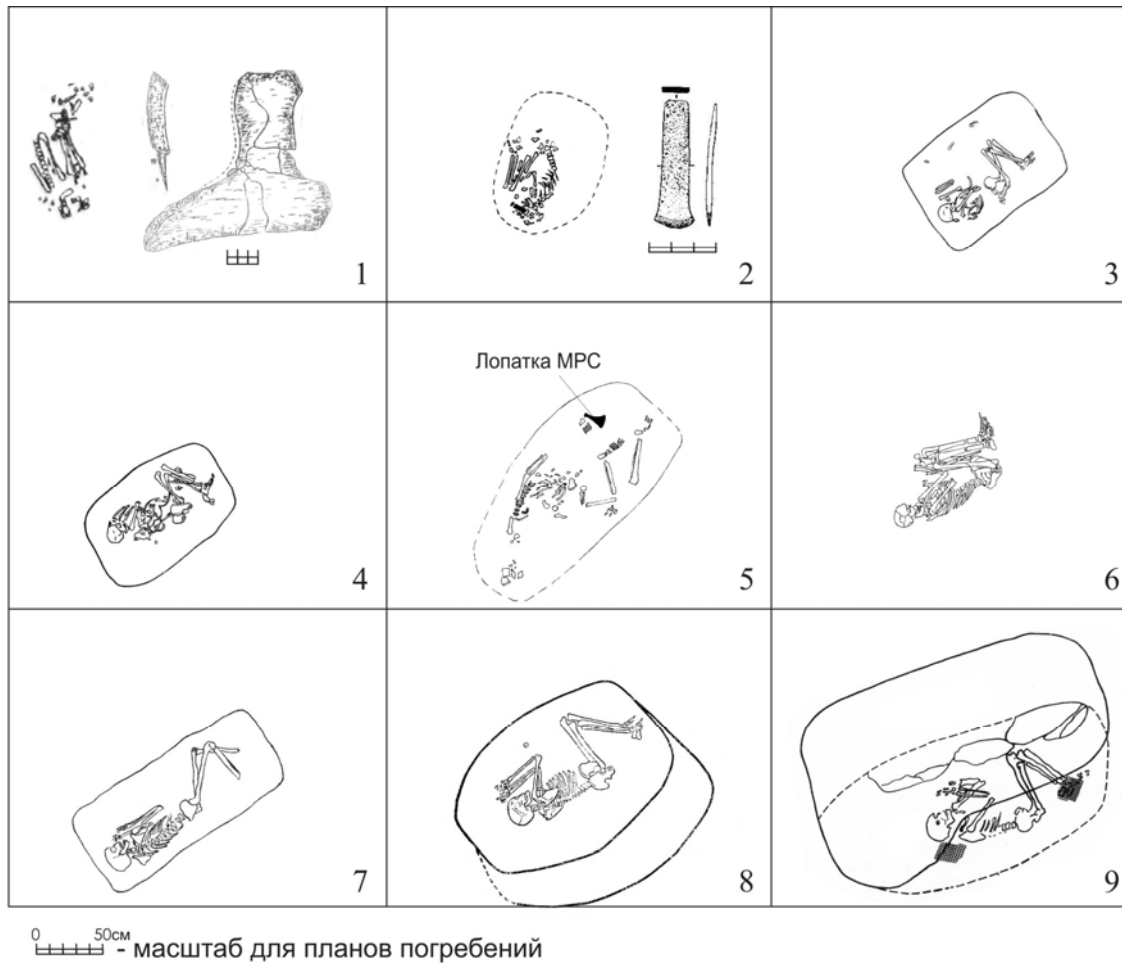

Рис. 2. Погребения волго-уральской культурной группы:

1 – Красносамарский I 1/2; 2 – Утевка I 1/2; 3 – Хрящевка 2/1; 4 – Хрящевка 2/2; 5 – Шумаево II 3/2; 6 – Шумаево II 6/1; 7 – Восточно-Курайли I 1/1; 8 – Политодельское 12/18; 9 – Новый Кумак 25/14

Fig. 2. The burials of the Volgo-Ural cultural group:

1 – Krasnosamarskii I 1/2; 2 – Utevka I 1/2; 3 – Hryashevka 2/1; 4 – Hryashevka 2/2; 5 – Shumaev II 3/2; 6 – Shumaev II 6/1; 7 – Vostochno-Kuraili I 1/1; 8 – Politodel'skoe 12/18; 9 – Novyi Kumak 25/14

В силу фактической неизученности больший интерес представляет вторая серия захоронений, которую назовем пока чисто условно *волго-уральской группой*. В выборке В.В. Ткачева по Приуралью она представлена комплексами Новый Кумак 25/14 и Восточно-Курайли I 1/1 [Смирнов, Кузьмина 1977, рис. 2, I; Ткачев, Гуцалов 2000, рис. 5, 3] (рис. 2, 7, 9). Сюда еще следует добавить комплексы Шумаево II 3/2 и 6/1 [Гольева и др. 2003, рис. 41, 2; 56, I] (рис. 2, 5, 6). Есть серия таких захоронений и в Заволжье [Мерперт 1954, рис. 18, I,

2; Смирнов 1959, с. 267, 269; 1960, с. 211, 212, рис. 15, 12, 13; Лопатин 2008, рис. 1С 10Г] (рис. 2, 1-4, 8). Это в основном безынвентарные погребения в ямах и подбойных могилах, в адоративной позе с южной, чаще юго-западной ориентировкой костяков. Как видно, это совершенно не криволукский обряд. Подборка подобных комплексов имеется и на правобережье Волги. На ее датировку в рамках финала средней бронзы впервые обратила внимание Э.С. Шарафутдинова [2001, с. 148]. Указывал на такое захоронение (Барановский I 10/4), правда, как бабинское, и В.В. Отрощенко [2001, с. 84]. К сожалению, подавляющее большинство погребений этой группы, наглядный образ которой представлен скорченным адоративным обрядом с южной и юго-западной ориентировками скелетов в ямах и подбоях, не имеет инвентаря, а стратиграфия её является плавающей, не дающей привязок к финалу средней бронзы.

В последнее время появились материалы, позволяющие закрепить новую группу на шкале относительной хронологии. Речь идет о кургане 6 мог. Горбатый мост в Саратовском Поволжье [Тихонов 2003]. Здесь основным было погребение 11 волго-уральской группы, а следующий стратиграфический горизонт представлен захоронением 9 первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (рис. 1)¹. Этот факт можно дополнить уже известными стратиграфическими связками, которые приводим ниже.

В кургане 12 могильника Политодельское погребение 18 волго-уральской группы в яме с подбоем было перекрыто покровским захоронением 17 [Смирнов 1959, с. 267, 268, рис. 22, 19; 23, 6, 7] (рис. 1).

В знаменитом кургане 25 Нового Кумака основным являлось подбойное погребение 14 волго-уральской группы финала СБВ; затем в него впустили захоронение 12, совершенное в яме с каменной конструкцией в позе адорации с южной ориентировкой того же культурного контекста. После этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры [Смирнов, Кузьмина 1977, с. 8-18] (рис. 1). Иными словами, здесь, как и в предыдущем случае, мы видим предшествование погребений волго-уральской группы памятникам поздней бронзы. Причем в Новом Кумаке четко зафиксирован ее предсинташтинский возраст. На посткатакомбный облик погребения 14 и его важность для установления хронологического соотношения посткатакомбных и колесничных древностей уже обращалось внимание [Отрощенко 2000, с. 66, 67; Литвиненко 2003, с. 147].

В кургане 10 Барановского I могильника была зафиксирована следующая стратиграфическая картина [Сергацков 1992, с. 97-99, рис. 1]. Основным здесь было погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд с вольско-лбищенскими чертами. Затем было совершено захоронение 5 днепро-донской бабинской культуры, сопровождавшееся досыпкой, в которую, в свою очередь, было впущено погребение 4 волго-уральской группы (рис. 1).

Таким образом, стратиграфические связки в Новом Кумаке, Барановке I, Политодельском и Горбатом мосту показывают, что волго-уральская группа погребений занимает место до начала поздней бронзы и датируется финалом среднего бронзового века.

Подтверждает это и находка бронзового тесла позднего облика в комплексе Утевка I 2/1 [Васильев 1980, рис. 9, 1, 2] (рис. 2, 2). По пропорциям оно вполне сопоставимо с серий тесел, известных в синташтинских погребениях [Смирнов, Кузьмина 1977, рис. 3, 2; Генинг и др. 1992, рис. 61, 8; 127, 3; 140, 7; 146, 4; 148, 14, 15; 184, 6; Зданович Д. 2002, рис. 21, 1; 29, 4; Виноградов 2003, рис. 35, 3; Епимахов 2005, рис. 20, 2; 25, 6; 58, 4; 89, 1, 2; Ткачев 2007, рис. 55, III, IV]. Например, в качестве точной аналогии можно указать изделие из комплекса Синташта CI/14, имеющее аналогичную расковку лезвийной части [Генинг и др. 1992, рис. 148, 16]. Тесло из Утевки также можно отнести к предметам кнышевского типа по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову [2001, с. 66], которые особенно характерны для позднекатакомбных памятников

¹ Выражаю искреннюю признательность В.В. Тихонову за любезно предоставленную возможность опубликовать комплексы из его раскопок.

Восточного Предкавказья, непосредственно предшествовавших лолинским [Гак 2004, с. 79]. Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож [Смирнов 1960, рис. 15, 12], морфологически близкий узким листовидным клинкам 1-го типа лолинской культуры [Гак, Мимоход 2007, с. 89, 90, рис. 1, 1-7]. Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, являющихся характерными деталями некоторых ножей покровской серии. В комплексе Быково I 15/1 найден обломок каменного оселка. На уцелевшем конце имеется перетяжка. Возможно, что первоначально это был оселок с двумя перетяжками [Шарафутдинова 2001, с. 152]. Если это так, то мы получаем данные для синхронизации волго-уральской группы с ранними бабинскими и ранними криволукскими погребениями.

С учетом выше приведенных данных есть все основания говорить о параллельности существования в Поволжье и Волго-Уралье криволукской и волго-уральской групп памятников. Оказавшись в ядре формирования колесничных культурных образований, они исчезли раньше бабинской и лолинской культур. Таким образом, диапазон бытования волго-уральской группы финала СБВ можно синхронизировать с первым и вторым этапами Лолы и Бабино.

Несмотря на то, что вопрос о выделении новой культурной группы только поставлен и предстоит еще большая работа по созданию доказательной базы ее существования, все же стоит обратить внимание на дальнейшие перспективы изучения этих памятников.

Нельзя не заметить выразительного сходства между похоронным ритуалом волго-уральских захоронений с лолинскими погребальными традициями. Это – адоративный обряд, подбойная и ямная конструкция могил, южные и юго-западные ориентировки. Особо следует отметить находку лопатки МРС в комплексе Шумаево II 3/2 (рис. 2, 5), которая является визитной карточкой лолинского погребального обряда. Показательно и обнаружение тупика в комплексе Красносамарский I 2/1 [Васильев, Кузнецов 1988, с. 40, рис. 6, 4] (рис. 2, 1). Включение в состав инвентаря крупных коженных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода [Мимоход 2006, с. 252; 2007, с. 150] (рис. 3, 1), который получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских. Характерно и то, что стратиграфия кургана 25 Новокумакского могильника демонстрирует такую же последовательность соотношения типов конструкций могильных ям волго-уральской группы, как и лолинская культура (Мимоход 2007, с. 145): погребение 14 в катакомбе является более ранним по отношению к захоронению 12, совершенному в яме с каменным ящиком (рис. 1). Подобные элементы сходства, с учетом их несвойственности криволукским памятникам, не могут являться случайными и позволяют рассматривать формирование волго-уральской группы как результат воздействия предкавказского посткатакомбного импульса. Показателен в этом отношении и комплекс Быково I 15/2 в Заволжье, где адоративный костяк с южной ориентировкой имеет искусственно деформированный череп. Не случайно Н.К. Качалова рассматривала это погребение как полтавкинское с катакомбными чертами [Качалова 1968, с. 10], а Э.С. Шарафутдинова отнесла его к уникальным покровским комплексам с элементами предкавказской катакомбной культуры [Шарафутдинова 2000, с. 269]. На самом деле серия захоронений с деформированными черепами, в том числе с южной и юго-западной ориентировками скелетов, присутствует в материалах ранней лолинской культуры (рис. 3, 2, 8), а быковский комплекс волго-уральской группы хорошо иллюстрирует ее генетическую связь с Лолой. В таком случае не исключено, что ранние погребения выделенной группы должны быть несколько моложе ранних лолинских памятников. Такое предположение, как будто бы, подтверждается следованием волго-уральского погребения за ранним бабинским комплексом в кургане 10 мог. Барановка I (рис. 1).

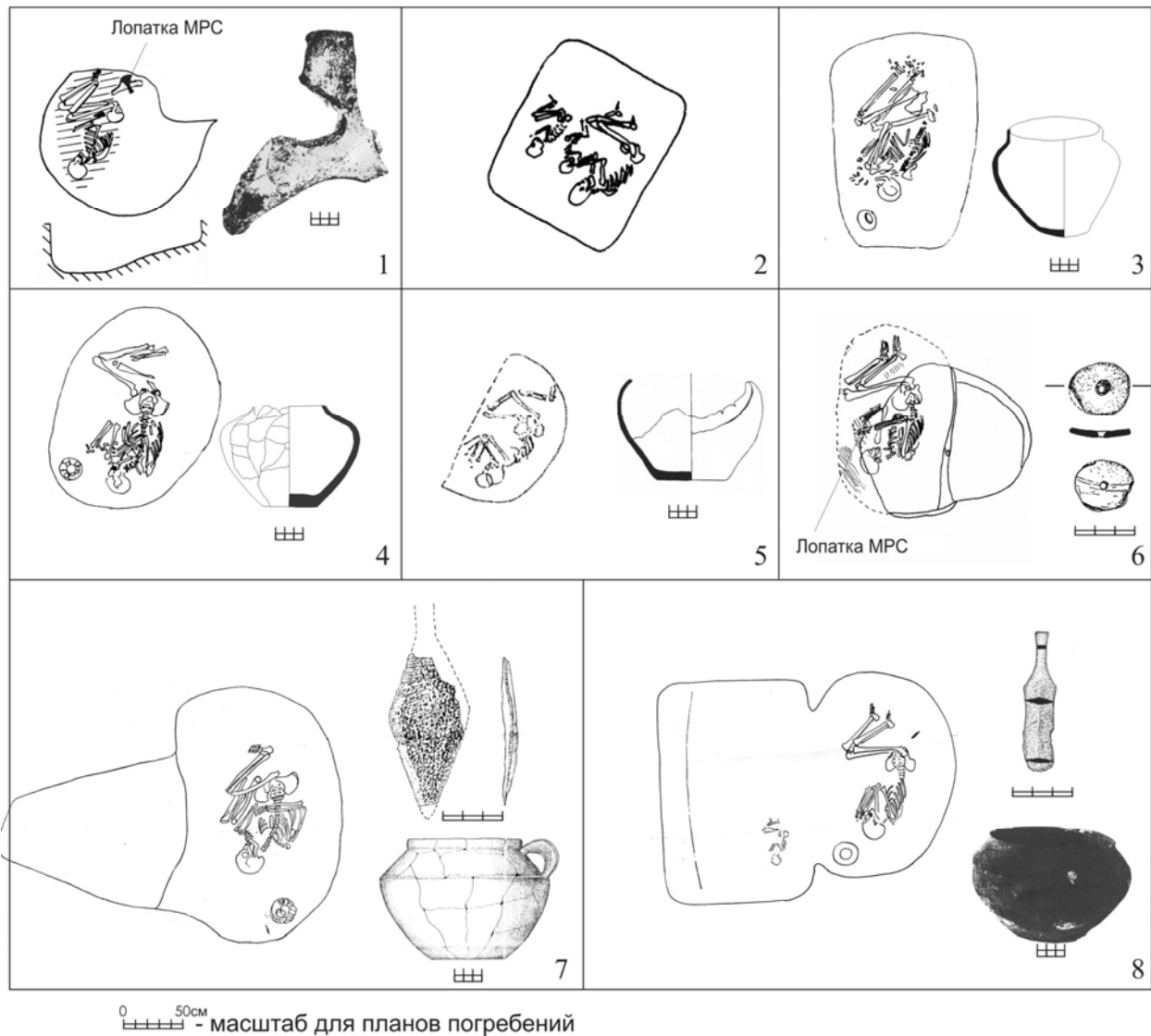

Рис. 3. Погребения раннелолинской культуры обрядовых групп с выраженными пережиточными чертами восточноманычской катакомбной культуры:

1 – Колдыри 24/3; 2 – ВМПБ 1965 17/5; 3 – Чограйский V 2/6; 4 – Чограйский V 4/3; 5 – Чограй VIII 9/4; 6 – Кривая Лука XXXIV 5/5; 7 – Яшкуль I 1/2; 8 – Лола I 14/2

Fig. 3. The burials of Early Lola culture with expressed left-over traits of East Manych Catacomb culture:

1 – Koldyri 24/3; 2 – VMPB 1965 17/5; 3 – Chograiskii V 2/6; 4 – Chograiskii V 4/3; 5 – Chograi VIII 9/4; 6 – Krivaya Luka XXXIV 5/5; 7 – Yashkul' I 1/2; 8 – Lola I 14/2

Для двух захоронений новой культурной группы (Шумаево II 3/2 и 6/1) (рис. 2, 5, 6) имеются краниологические определения, выполненные А.А. Хохловым [2003, с. 276]. Специфика краниологических серий посткатакомбных культурных образований (Бабино, Лола и Кривая Лука) обозначена антропологами [Круц 1984, с. 45-56; Герасимова, Калмыков 2007; Хохлов, Мимоход 2008]. Шумаевские посткатакомбные черепа характеризуются грацильностью и выраженной долихокранностью (Шумаево II 3/2). По мнению А.А. Хохлов, эти признаки вполне сопоставимы с краниологическими данными лолинской культуры. Очень высокоголовым и грацильным является череп и из комплекса Хрящевка 2/1 [Дебеч 1954, приложение 1] (рис. 2, 3). При явном сходстве погребального обряда и соответствии антропологических определений мы получаем дополнительные важные свидетельства о

возможной генетической связи лолинской культуры и волго-уральской группы. В свете участия последней в сложении колесничных культур Волго-Уралья небезынтересным выглядит наблюдение А.А. Хохлова о близости черепа из Шумаево II 6/1 с потаповской серией [Хохлов 2003, с. 281, 282].

Интересно, что южные и юго-западные ориентировки скелетов, характерные для посткатакомбных погребений Волго-Уралья, в лолинской культуре серийно представлены только на раннем этапе (рис. 3). Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с восточноманычской катакомбной культурой, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям и почти полностью изживаются к развитому этапу Лолы [Мимоход 2007, рис. 2]. В волго-уральской группе южные и юго-западные векторы, похоже, доминируют на всем протяжении ее существования. Подобные закономерности хорошо объясняются, исходя из модели генезиса самой лолинской культуры [Мимоход 2010]. Ее происхождение было связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-восточного Кавказа. Их взаимодействие с восточноманычскими группами привело к формированию лолинской посткатакомбной культуры, что подтверждается и данными краниологии [Хохлов, Мимоход 2008]. В результате на раннем этапе Лолы четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминируют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками (их меньшинство – рис. 3) и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождает инвентарь восточнокавказского облика (их большинство). Все эти группы объединяет адоративный обряд, несвойственный катакомбным традициям, но характерный для культур СБВ Северо-восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения Лолы напрашивается следующий вывод: с притоком северо-восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти – частично в Нижнее Поволжье, на территорию криволукской культурной группы, а, главным образом, – в пустующее волго-уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования Лолы, потому неудивительно, что в волго-уральской группе финала средней бронзы представлен адоративный (по сути посткатакомбный и кавказский) обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов, а также подбойные конструкции могил.

При такой модели культурогенеза в Волго-Уралье многое встает на свои места. Так, можно логично объяснить присутствие кавказских кольцевидно-узкопланочных пряжек в Южном Приуралье [Богданов 1998, рис. 11, 8], в Центральном Казахстане [Ткачев 2002, с. 185, рис. 69, 34] и в Среднем Поволжье [Ефименко, Третьяков 1961, рис. 8, 1], которые ранее выглядели оторванными от основного ареала их распространения (рис. 4, 9-11). Эти изделия имеют точные аналогии в материалах гинчинской культуры [Марковин 1963, рис. 5, 7, 8; 25, 3; Гаджиев 1969, рис. 12, 6] (рис. 4, 6-8) и по праву относятся к северокавказским формам [Братченко 1995]. Данный тип пряжек вполне сопоставим с лолинскими поясными деталями типа Ипатово-Типки [Калмыков, Мимоход 2005, рис. 14, 5-7] (рис. 4, 1-4) и протокобанской роговой застежкой [Уварова 1900, рис. 221] (рис. 4, 5). Проникновение предметов кавказской морфологии в такие отдаленные регионы теперь не должно удивлять: Южное Приуралье входит в основной ареал волго-уральской группы, носители которой, судя по всему, вступали в непосредственное взаимодействие с местной вольско-лбищенской культурой. В результате этого мы имеем в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 находку кольцевидно-узкопланочной пряжки (рис. 4, 10). На севере ареал новой группы примыкает к территории распространения средневожской абашевской культуры, в комплексе которой Алгаши 1/1 также обнаружено близкое изделие (рис. 4, 9). Наконец, из Волго-Уральского региона кольцевидно-узкопланочная пряжка могла попасть в погребение нуртайской культуры соседнего Казахстана (рис. 4, 11). С учетом предкавказского (лолинского) происхождения волго-уральской группы,

распространение кавказских типов пряжек в родственной культурной среде на такие большие расстояния не выглядит необычным. Вероятно, в дальнейшем следует ожидать находок изделий этого типа и в посткатакомбных комплексах Волго-Уралья. Впрочем, характерная безынвентарность погребений данной группы оставляет для такого предположения не столь уж много шансов.

Рис. 4. Северокавказские типы костяных и роговых пряжек:

1 – Ильинский 1 1/6; 2 – Ипатово 3 2/13; 3 – Типки I 2/4; 4 – Кривая Лука XXI 1/9; 5 – Донифарс п. 4 (без масштаба); 6 – Гатын-Кале п. 7; 7 – Гатын-Кале п. 30; 8 – Гинчи склеп 2; 9 – Алгаши 1/1; 10 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 11 – Нуртай курган 22 ограда Г

Fig. 4. The North-eastern Caucasus types of belt buckles from bone and horn:

1 – Il'inskii 1 1/6; 2 – Ipatovo 3 2/13; 3 – Tipki I 2/4; 4 – Krivaya Luka XXI 1/9; 5 – Donifars grave 4 (without scale); 6 – Gatyn-Kale grave 7; 7 – Gatyn-Kale grave 30; 8 – Ginchi burial vault 2; 9 – Algashi 1/1; 10 – Tamar-Utkul' VII 4/3; 11 – Nurtai mound 22 enclosure Г

Пожалуй, мало у кого из исследователей сейчас вызывает сомнение участие посткатакомбных групп в формировании колесничных культур. Вычленив этот компонент в Синташте, необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для нее юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков являются элементами наглядного образа именно волго-уральской группы, хронологически предшествующей синташтинской культуре в её приуральском ареале². В этой связи представляют безусловный интерес доводы В.В. Ткачева, Н.Б. Виноградова и П.Ф. Кузнецова в пользу локализации первичного ядра Синташты к западу от Урала [Виноградов 2006 с. 48; Ткачев 2007, с. 315]. Отсутствие памятников волго-уральской группы в Зауралье хорошо вписывается в систему аргументов названных авторов.

В конечном итоге, становится очевидным, что соотношение ориентировок в Потаповке, Синташте и Покровске напрямую зависит от того, какие посткатакомбные группы принимали участие в их генезисе. Явное преобладание в синташтинских погребениях юго-западных направлений связано с традицией соответствующих ориентировок волго-уральской группы, уходящих корнями в позднекатакомбное и раннелолинское время Восточного Предкавказья. Наличие паритетного соотношения западных, юго-западных и северных векторов в комплексах потаповского типа объясняется тем, что в Самарском Заволжье в равной степени представлены предшествующие им криволукские памятники с ориентировками умерших в северный сектор и комплексы волго-уральской группы. Наконец, явное преобладание в покровских погребальных памятниках скелетов с северными ориентировками обусловлено полным совпадением их ареала с территорией криволукской культурной группы. Данные краниологии показывают [Хохлов, Мимоход 2008], что в процессе становления покровского похоронного ритуала с северными ориентировками скелетов, кроме криволукской группы, могла сыграть роль и лолинская культура развитого этапа, где эти направления также были господствующими [Мимоход 2007 рис. 2].

² Например, юго-западные ориентировки для приуральской Синташты составляют 42,3% от всех погребений (Ткачев 2007, с.110).

С выделением волго-уральской посткатакомбной группы становится понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в инвентарном комплексе синташтинской культуры. Об этом (кавказском) импульсе в формировании колесничных культур в том или ином виде неоднократно писали разные исследователи [Зданович 1995 с. 41; 2002 с. 46; Григорьев 1996 с. 34; 1996а с. 35; 1999 с. 111, 112; Мочалов 1996 с. 44; 1996а с. 38, 39; 1999 с. 76, 77; 2006 с. 67, 68; 2007 с. 166; 2008 с. 172; Нелин 1996 с. 92; Епимахов 1997 с. 15; Рогудеев 2000; 2001 с. 409; 2002 с. 153; 2004 с. 194, 196; Ткачев 2000 с. 47, 50; 2003 с. 222; 2007 с. 269, 283].

Для иллюстрации остановимся только на двух особенно показательных сюжетах. Первый хорошо известен и не раз обсуждался в литературе. Это наличие в гарнитуре украшений Синташты фаянсовых бус с выступами: бородавчатых и рожковых (рис. 5, 44-52).

Рис. 5. Фаянсовые бусы с выступами:

1 – Ажинов 2/10; 2 – Новочеркасск 1/1; 3 – Ширяевский 3/1; 4 – Лысянский I 3/5; 5 – Александровск 6/5; 6 – Лола I 4/8; 7 – Веселая Роща III 26/10; 8 – Овата V 1/4; 9 – Пластунский I 1/22; 10 – Ергени 5/2; 11 – Цаган-Усн V 2/5; 12 – Цаган-Усн VIII 2/1; 13 – Цаган-Усн V 1/9; 14 – Чикмари-II 1/4; 15 – Шахтерск 8/2; 16, 19 – Репный I 7/7; 17 – Запорожец 1/16; 18 – Керчик 21/5; 20 – Новоалександровка 1 2/1; 21 – Бельты п. 10; 22 – Бельты п. 17; 23 – Миатли II 2/1; 24 – Гинчи склеп 5; 25 – Каякент п. 2; 26 – мог. Нохала-Ад; 27 – Ведено; 28 – Нальчик п. 31; 29 – Триалети к. 3; 30 – Островной 6/4; 31 – Новопалестинский II 2/5; 32 – Островной 3/12; 33 – Калиновский 1/7; 34 – Цаган-Усн VII 2/9; 35 – Кировский IV 7/2; 36 – Золотаревка 3 9/6; 37 – Чограй, од. курган п. 14; 38, 40 – Золотаревка 3 9/13; 39 – Манджикины 1 10/2; 41 – Шарахалсун 3 8/2; 42 – Синташта СМ/18; 43 – Кривое Озеро 10/13; 44 – Танаберген II 7/15; 45 – Каменный Амбар-5 4/3; 46, 50 – Танаберген II 7/15; 47, 49 – Танаберген II 7/23; 48 – Кривое Озеро 10/5

Fig. 5. The faience beads with bulges:

1 – Azhinov 2/10; 2 – Novochoerkassk 1/1; 3 – Shiryayevskii 3/1; 4 – Lysyanskii I 3/5; 5 – Aleksandrovsk 6/5; 6 – Lola I 4/8; 7 – Veselaya Rosha III 26/10; 8 – Ovata V 1/4; 9 – Plastunovskii I 1/22; 10 – Ergeni 5/2; 11 – Cagan-Usn V 2/5; 12 – Cagan-Usn VIII 2/1; 13 – Cagan-Usn V 1/9; 14 – Chikmari-II 1/4; 15 – Shahtersk 8/2; 16, 19 – Repnyi I 7/7; 17 – Zaporozhec 1/16; 18 – Kerchik 21/5; 20 – Novoaleksandrovka 1 2/1; 21 – Bel'ty grave 10; 22 – Bel'ty grave 17; 23 – Miatli II 2/1; 24 – Ginchi burial vault 5; 25 – Kayakent grave 2; 26 – burial ground Nohala-Ad; 27 – Venedo; 28 – Nal'chik grave 31; 29 – Trialeti mound 3; 30 – Ostrovnoi 6/4; 31 – Novopalestinskii II 2/5; 32 – Ostrovnoi 3/12; 33 – Kalinovskii 1/7; 34 – Cagan-Usn VII 2/9; 35 – Kirovskii IV 7/2; 36 – Zolotarevka 3 9/6; 37 – Chograi, single mound grave 14; 38, 40 – Zolotarevka 3 9/13; 39 – Mandzhikiny 1 10/2; 41 – Sharahalsun 3 8/2; 42 – Sintashta SM/18; 43 – Krivoe Ozero 10/13; 44 – Tanabergen II 7/15; 45 – Kamennyi Ambar-5 4/3; 46, 50 – Tanabergen II 7/15; 47, 49 – Tanabergen II 7/23; 48 – Krivoe Ozero 10/5

Появление этих бус в Синташте традиционно связывается с влиянием позднекатакомбных культур [Ткачев 2007, с. 299, 300]. При этом из виду упускаются два существенных момента. Первый – это то, что хронологический стык между позднекатакомбными и колесничными памятниками отсутствует в принципе, в том числе и Волго-Уралье. Между ними лежит пласт посткатакомбных древностей, который насчитывает не менее 200-300 лет. Второй – это территориальная лакуна, которая находится между катакомбными комплексами с бородавчатым бисером и комплексами начала ПБВ, в которых встречается данный вид украшений. В первом случае – это Предкавказье, Дон и Подонцовье, во втором – Волго-Уралье и Зауралье. Причем, для катакомбных захоронений

не фиксируется обедненность инвентарем, свойственная посткатакомбным погребениям, и объяснить ею отсутствие фаянсовых бус с выступами в ассортименте украшений, например, волго-донской катакомбной культуры нельзя. По всей видимости, речь идет о расхождении векторов в распространении бородавчатого и рожкового бисера в позднекатакомбное и посткатакомбное время.

Подтверждается оно и заметным отличием в самих типах фаянсовых украшений с выступами. В катакомбной серии находки трехрожкового бисера единичны, в основном это бусы с двумя выступами – в Предкавказье, и с четырьмя – там же и в Доно-Донецком регионе (рис. 5, 1-13). В Синташте двухрожковых изделий нет вовсе, но часто встречаются трехрожковые и бусы с четырьмя выступами (рис. 5, 42-50). Причем, последняя разновидность морфологически заметно отличается от позднекатакомбных. В синташтинских памятниках бусы всегда рожковые, в катакомбных – бородавчатые, что лишний раз может свидетельствовать об отсутствии прямой генетической связи между ними. Связь здесь если и имеет место, то лишь опосредованная и только через посткатакомбные культурные образования. И вот тут очень важным оказывается типовой состав бус с отростками в памятниках финала СБВ Кавказа и Предкавказья. Здесь наиболее популярными были украшения именно с тремя выступами (рис. 5, 21-29, 31-40). В Лоле изредка встречаются экземпляры и с четырьмя отростками (рис. 5, 41). Несложно заметить, что в Синташте набор фаянсовых бус с выступами (наиболее распространены – с тремя, реже – с четырьмя) стоит ближе всего к лолинскому, который в свою очередь непосредственно связан с кавказским. Особенно четко это сходство проявляется, например, в сравнении с фаянсовыми украшениями днепро-донской бабинской культуры, где основным типом являются двухрожковые бусы и лишь изредка встречаются изделия с тремя отростками (рис. 5, 14-20). Это очевидное различие в моде на разные типы бисера у двух синхронных посткатакомбных образований (Бабино и Лола) на уровне данной категории инвентаря выявляет их культурную специфику, что уже отмечалось в литературе [Литвиненко, Зарайская 2004, с. 229, 230; Литвиненко 2005, с. 76]. Очевидное же сходство между синташтинскими и лолинскими бусами с выступами свидетельствует о непосредственном участии посткатакомбных групп предкавказского происхождения в сложении синташтинской культуры. С выделением волго-уральской группы механизм появления в колесничных памятниках Южного Урала рожковых и бородавчатых украшений становится понятен. Следует обратить внимание, что из всех позднебронзовых культурных образований горизонта щитковых псалиев именно для Синташты характерны фаянсовые бусы с выступами. Нет таких бус в Подонцовье и на Дону, а в Поволжье они встречены только два раза в ранних покровских комплексах [Кочерженко 1996, рис. 1, 10, 14; Зудина, Сударилов 2007, с. 60, рис. 1, 1, 3]. Этот факт не случаен: т.к. волго-уральские степи стали основной территорией для посткатакомбных групп, продвинувшихся из Предкавказья, поэтому именно в синташтинской культуре, сложившейся в Приуралье, южный компонент выражен отчетливее всего, что хорошо прослеживается на приведенном примере фаянсовых бус с выступами.

Второй сюжет пока не получал освещения в литературе. Он связан с внезапным появлением в Синташте и Потаповке очень специфичных костяных стрел, для которых в Волго-Уралье прототипы отсутствуют. В первую очередь, речь идет о группе довольно крупных наконечников с асимметричным шипастым пером (рис. 6, 3-7). Такие изделия происходят из Потаповского, II Лопатинского, Синташтинского (СМ), Большекараганского могильников [Васильев и др. 1994, рис. 28, 16; 56, 1, 2, 18; Генинг и др. 1992, рис. 70, 1; 114, 4; Зданович 2002, рис. 33, 2; 41, 12]. Абсолютно аналогичный синташтинским и потаповским образцам костяной наконечник найден в склепе 2 в погребении 31 могильника Гинчи [Гаджиев 1969, с. 31, рис. 13] (рис. 6, 1), хронологически предшествующего появлению в степной зоне колесничных культур. Морфология и размеры гинчинского экземпляра вплоть до деталей совпадают, например, со стрелами из комплексов Лопатинский II 2/1 или Большекараганский 25/12 (рис. 6, 4, 7).

Из склепа 5 Ирганайского могильника происходит серия длинных двуперых черешковых наконечников с одним или двумя шипами на черенке [Магомедов 1998, рис. 56] (рис. 6, 2). По форме пера они чрезвычайно близки группе стрел погребения 1 кургана 2

Лопатинского II могильника [Васильев и др. 1994, рис. 56, 3, 11-14, 16] (рис. 6, 8-10). Несложно заметить и полное сходство в оформлении черенка у гинчинских и потаповских изделий. Нижняя его часть – тонкая и заострена, а верхняя – более массивна, переход к ней оформлен в виде упора [Васильев и др. 1994, рис. 56, 12, 15, 16] (рис. 6, 8, 9). Такая же система оформления насада костяных стрел с удлиненным черенком встречается в еще одном комплексе этого времени из Самарского Поволжья [Пятых 1983, рис. 4, 8, 10]. Отличие поволжских стрел от ирганайских заключается только в наличии шипов ниже пера и, возможно, большей длине, но в то же время в колчанном наборе из Лопатинского II могильника присутствуют шипастые наконечники (рис. 6, 4), полностью аналогичные стреле из склепа 2 мог. Гинчи (рис. 6, 1).

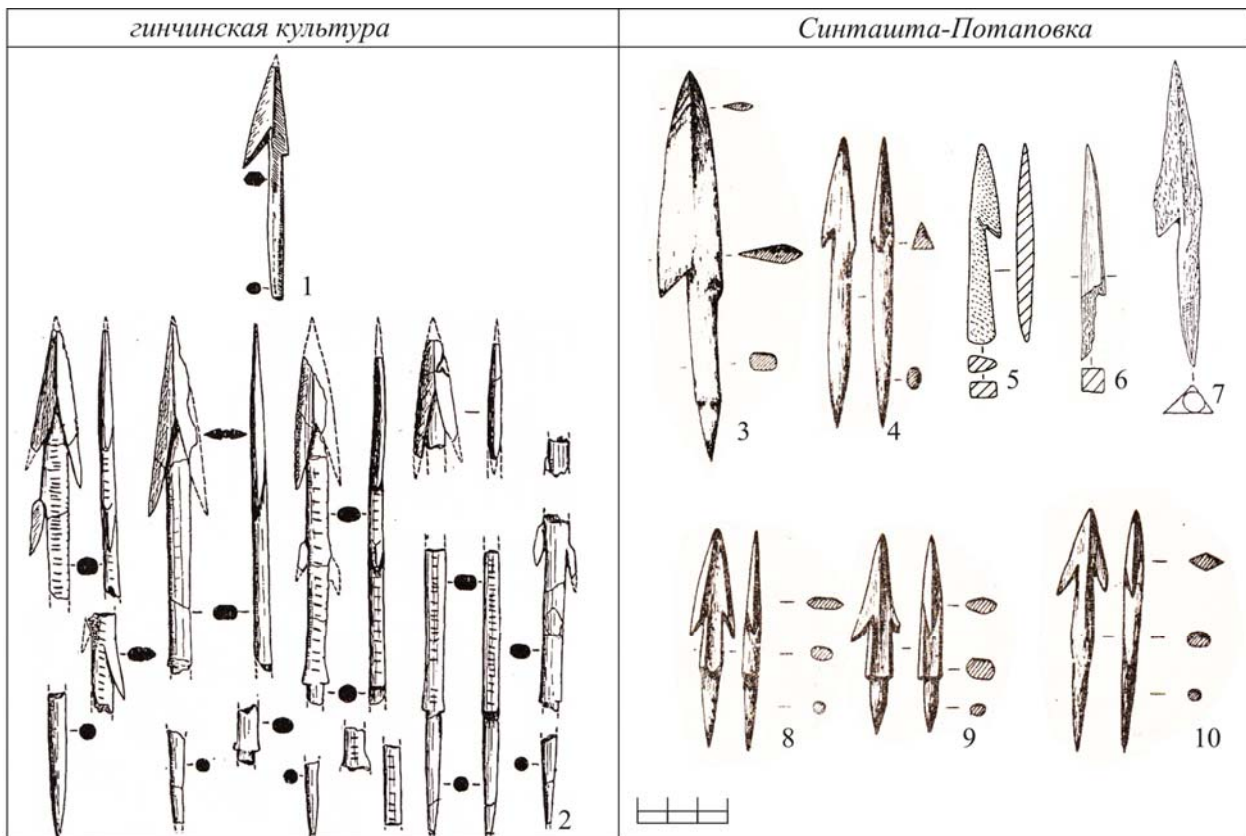

Рис. 6. Костяные стрелы Северо-восточного Кавказа и Волго-Уралья:

1 – Гинчи склеп 2; 2 – Ирганай склеп 5; 3 – Потаповский 3/4; 4, 8-10 – Лопатинский II 2/1; 5 – Синташта СМ/16; 6 – Синташта СМ/30; 7 – Большекараганский 25/12

Fig. 6. The bone arrows of North-eastern Caucasus and Volga-Ural region

1 – Ginchi burial vault 2; 2 – Irganai burial vault 5; 3 – Potapovskii 3/4; 4, 8-10 – Lopatinskii II 2/1; 5 – Sintashta SM /16; 6 – Синташта SM /30; 7 – Bol'shekaraganskii 25/12

Такие своеобразные наконечники в потаповско-синташтинских комплексах, на мой взгляд, – это явление того же порядка, что и ярко выраженная в Волго-Уралье мода на фаянсовый бисер с выступами, уходящая корнями в Предкавказье и на Кавказ. Выделение волго-уральской группы, связанной своим происхождением с раннелолинской культурой, если не раскрывает механизм подобной трансляции, то, по крайней мере, задает вектор перспективного поиска. Сейчас мы ограничились только двумя показательными сюжетами, причастными к генезису инвентарного комплекса синташтинской культуры, хотя схожие сопоставления по другим категориям вещей, а также чертам обряда можно легко

продолжить³, но это тема совсем другого исследования. Отметим только, что охарактеризованные параллели предкавказского и кавказского происхождения не стоит абсолютизировать – это важный, но не единственный компонент сложения Синташты. Абашевская составляющая данного феномена не менее выразительна, отчетливо фиксируются в нем следы и других участников синташтинского культурогенеза.

Всё выше изложенное является пока не более чем рабочей гипотезой. Контуры волго-уральской посткатакомбной группы только намечены. Полноценный ее облик предстоит еще выяснить. Сразу хочется сказать об объективных трудностях, стоящих на этом пути. Первая уже упоминалась – это показательная безынвентарность волго-уральских погребений, которая может оказаться наиболее выраженной среди всех посткатакомбных культурных образований. Поэтому возможное отсутствие каких-то категорий инвентаря в захоронениях самой волго-уральской группы, известных на Северо-восточном Кавказе и в Предкавказье, которые потом появляются в комплексах начала поздней бронзы, не должно особенно смущать. Это черта обряда, и ничего здесь поделать нельзя. В качестве однопорядковой параллели укажем, например, на то, что до сих пор мы не имеем адекватного представления о керамическом комплексе криволукской культурной группы. Другая серьезная проблема заключается в фактической неизученности внутренних районов волго-уральской степи, которые являются ядром прогнозируемого ареала нового культурного образования. Подобное белое пятно, разумеется, скажется на количественных и качественных характеристиках погребений, датирующихся финалом СБВ. Термин «волго-уральская группа» следует рассматривать не более как предварительный. В перспективе следует подобрать комплекс-эпоним, который адекватно бы иллюстрировал основные элементы ее наглядного образа⁴.

Несмотря на все указанные сложности, представляется, что данных для постановки вопроса о наличии в Волго-Уралье своеобразной культурной группы посткатакомбного времени, связанной своим происхождением с раннелолинской культурой и принимавшей непосредственное участие в сложении синташтинских и потаповских памятников, уже вполне достаточно. Пусть эти данные пока отрывочные, требуют дальнейшего накопления и систематизации, но игнорировать их уже нельзя.

Мимоход Р.О.

ПОХОВАННЯ ФІНАЛУ СЕРЕДНЬОЇ БРОНЗИ У ВОЛГО-УРАЛЛІ І ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ РЕГІОНАЛЬНОЇ КУЛЬТУРОГЕНЕЗИ

У праці обґрунтовано гіпотезу щодо формування у фіналі середньої бронзи на теренах Волго-Уралля особливої посткатакомбної групи пам'яток, яку попередньо названо «волго-уральською». Її поховальний обряд репрезентовано похованнями у ямах і підбійних могилах, адоративним положенням небіжчиків з південними та південно-західними орієнтирками. Низка характерних ознак цієї культурної групи дозволяє твердити, що своїм походженням вона є пов'язаною з ранньололінською культурою Східного Передкавказзя, частина населення якого просунулася до

³ На вскидку приведем еще пару наблюдений по такому важному признаку, как состав металла. В свете вышесказанного легко можно объяснить почти полное игнорирование оловянистых лигатур с предпочтением низкомышьяковистым сплавам в металлопроизводстве синташтинской культуры. Это признак не хронологический, а, скорее, культурный, восходящий к традициям лолинской культуры с полным доминированием в ней мышьяковых бронз, в том числе и с низким содержанием мышьяка [Гак, Мимоход 2009]. Наличие в Синташте латуней [Дегтярева 2008, с. 299, 300] отсылает к поздней восточноманычской катакомбной культуре, т.к. в эпоху средней бронзы только в ней и реже в родственной западноманычской культуре встречаются серии бронзовых изделий с лигатурой цинка [Гак 2004а, с. 48, 49; 2006, с. 140; Егорьев и др. 2004].

⁴ Для этой цели был бы весьма подходящим Новокумакский могильник, в котором исследовано очень показательное посткатакомбное погребение 14. Однако есть опасение, что введение термина «новокумакская группа» может внести такую путаницу в археологию рубежа средней – поздней бронзы, в которой разобраться будет сложно не только будущим историографам, но и современным исследователям.

волго-уральских степей. Наявність деяких характерних рис у поховальному обряді та інвентарному комплексі синташтинської культури свідчить про те, що безпосередню участь в її генезі могли брати представники волго-уральської посткатакомбної групи, завдяки яким синташтинська культура наочно відбиває південні (передкавказькі й кавказькі) елементи.

Ключові слова: волго-уральська культурна група, лолінська культура, синташтинська культура, поховальні пам'ятки, блок посткатакомбних культур, фінал середнього бронзового віку, Волго-Уралля, Передкавказзя, Північно-східний Кавказ.

Mimokhod R.A.

ENTOMBMENTS OF THE FINAL STAGE OF THE MIDDLE BRONZE AGE BETWEEN VOLGA AND URAL AND SOME PROBLEMS OF THE REGIONAL CULTURAL GENESIS

In article the hypothesis about formation of particular postcatacomb group at the final stage of the Middle Bronze Age on the Volga-Ural region is proved. Therefore this group preliminarily titled as "Volga-Ural group". Among characteristics of its mortuary practice we may distinguish skeletons with their crania oriented southwards and south-west, which lie in simple pits or in the graves with near-bottom flank niches. The diversity of specific attributes of this cultural formation permits us to assert that its origin was concerned with Early Lola culture from Eastern Subcaucasia, as soon as part of the population advanced into Volga-Ural steppes from there. Some specific features in mortuary practice as well as in artifact complex of Sintashta culture denote that representatives of the Volga-Ural postcatacomb group could immediately contribute their share to the genesis of this culture. Due to their contribution we can see some pronounced southern (Subcaucasian and Caucasian) traits in aspect of Sintashta culture.

Keywords: Volga-Ural cultural group, Lola culture, Sintashta culture, mortuary archaeological monuments, the block of postcatacomb cultures, final stage of the Middle Bronze Age, Volga-Ural region, Subcaucasia, the North-eastern Caucasus.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов С.В. Большой Дедуровский Могильник // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1998. – С. 17-37.

Богданов С.В. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2006. – С. 209-224.

Богданов С.В. Гипотеза об участии древнейшей традиции в генезисе культуры синташтинских памятников: pro et contra // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». – Актобе, 2007. – С. 58-61.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и восточной Европы: матер. конф.: В 2 ч. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 8-26.

Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. до н.е. – Луганськ: Вид-во СЛУ, 2001. – 108 с.

Бытковский О.Ф., Ткачев В.В. Погребальные комплексы среднего бронзового века из восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 69-84.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. – Саратов, 1980. – С. 32-58.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Полтавкинские могильники у села Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж, 1988. – С. 39-59.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1994. – 208 с.

Виноградов Н.Б. Могильник Кривое Озеро в Южном Зауралье – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. – 360 с.

Виноградов Н.Б. Синташтинский культурный комплекс и ранний этап истории алакульских культур Южного Урала и Северного Казахстана // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа, 2006. – С. 47-52.

Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала, 1969. – 178 с.

Гак Е.И. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Поволжья. – Волгоград, 2004. – С. 75-79.

Гак Е.И. О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. – М., 2004а – С.47-49.

Гак Е.И. К проблеме происхождения медно-цинковых сплавов в бронзовом веке Северного Кавказа и степного Предкавказья // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум, 2006. – С. 139-142.

Гак Е.И., Мимоход Р.А. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала, 2007. – С. 89-96.

Гак Е.И., Мимоход Р.А. Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009. – С. 66-68.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Герасимова М.М., Калмыков А.А. Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // Вестник антропологии. – М., 2007. – Вып. 15. – Ч. II. – С. 246-255.

Григорьев С.А. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н.э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и матер. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археологического семинара. – Вып. 2. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – С. 33-35.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: тез. докл. междунар. конф. (2-5 декабря 1996 г.). – Тамбов, 1996а. – С. 30-35.

Дебец Ф.Г. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры среднего Заволжья // МИА. – 1954. – № 42. – С. 485-499.

Дегтярева А.Д. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 299-301.

Егорьков А.Н., Гак Е.И., Шишлина Н.И. Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом веке // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. – М., 2004. – С.77-78.

Епимахов А.В. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. – Ч. 1: История. – М.; Магнитогорск, 1997. – С. 14-20.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – 192 с.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. – Челябинск, 1995. – С. 21-53.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: автореф. дис. ... доктора ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология». – Челябинск, 2002. – 55 с.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск, 2002. – С. 17-106.

Зудина В.Н., Судариков О.В. Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре волго-уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2007. – Вып. VIII. – С. 57-66.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. – Луганск: Вид-во СНУ, 2005. – № 4. – С. 201-234.

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. – 1968. – Вып. 10. – С. 9-13.

Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1996 году. – Саратов, 1996. – С. 53-56.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья. – К.: Наук. думка, 1984.

Кузнецов П.Ф. Отчет о раскопках курганного могильника Грачевка II в Красноярском районе Самарской области по Открытому листу № 281 в 2002 г. – НА ИА РАН. – Р.1. – № 23717.

Литвиненко Р.А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. (26-30 мая 2003 г.). – Чебоксары, 2003. – С. 145-152.

Литвиненко Р.О. Культури бабинська і лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської історико-археологічної конф. (18-20 жовтня 2005 р.). – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 75-78.

Литвиненко Р.А. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... доктора ист. наук: спец. 07.00.04 «Археологія». – К., 2009. – 32 с.

Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П. Курганы эпохи бронзы у села Запорожец в Северо-Восточном Приазовье // АА. – 2004. – № 14. – С. 203-232.

- Лопатин В.А.** Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 415-420.
- Магомедов Р.Г.** Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. – 379 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.** Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. – 2004. – № 4. – С. 67-82.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.** Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. – 2005. – № 2. – С. 20-31.
- Марковин В.И.** Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 49-135.
- Мерперт Н.Я.** Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. – 1954. – № 42. – Т. I. – С. 139-156.
- Мимоход Р. А.** Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Междунар. Нижневолжской археол. конф. – Волгоград, 2004. – С. 108-114.
- Мимоход Р.А.** Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матер. II-ї Луганської міжнар. історико-археологічної конф. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 70-74.
- Мимоход Р.А.** Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Матер. первой Абхазской междунар. археолог. конф. – Сухум, 2006. – С. 249-253.
- Мимоход Р.А.** Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. – 2007. – № 4. – С. 143-154.
- Мимоход Р.А.** Лолинская культура: хронология и происхождение // XXVI «Крупновские чтения»: В печати, 2010.
- Моргунова Н.Л.** Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. – М., 2002. – С. 104-116.
- Моргунова Н.Л.** Генезис и хронологические рамки ямного погребального обряда в Приуралье: доклад 22 октября 2008 г. на заседании секции «Эпоха ранней и средней бронзы Евразии» на Всероссийском археологическом съезде в Суздале.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.** Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003. – 392 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** Древняя ямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. – 1991. – № 2. – С. 35-50.
- Мочалов О.Д.** Потаповская керамика лесостепного Волго-Уралья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: В 2 ч. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. – Ч. 2. – С. 41-45.
- Мочалов О.Д.** Юго-западные связи Волго-Уралья и Зауралья в эпоху средней бронзы по данным изучения керамики // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: тез. докл. междунар. конф. – Тамбов, 1996а. – С. 36-39.
- Мочалов О.Д.** Проблема формирования керамического комплекса памятников потаповского культурного типа в лесостепном Поволжье (опыт сравнительно-статистического анализа керамики погребальных комплексов) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. – Липецк, 1999. – С. 73-77.
- Мочалов О.Д.** Волго-Уралье и Кавказ в эпоху бронзы: проблема связей регионов по данным изучения керамики // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. – Самара, 2006. – С. 64-69.
- Мочалов О.Д.** Дальние связи Южного Урала в эпоху бронзы: керамический аспект проблемы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900-1966). – Уфа, 2007. – С. 162-169.
- Мочалов О.Д.** Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та, 2008. – 252 с.
- Нелин Д.В.** Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 86-92.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000. – С. 66-72.
- Отрощенко В.В.** Проблемы периодизации культур средней та поздней бронзы южной Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001. – 288 с.
- Порохова О.И.** II Герасимовский курганный могильник // Древняя история населения волго-уральских степей. – Оренбург, 1992. – С. 92-107.
- Пятых Г.Г.** Исследование могильника Новый Ризадей 1 // СА. – 1983. – № 2. – С. 216-222.
- Рогудеев В.В.** Связи населения южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии: матер. между нар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900-1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов; Энгельс, 2000. – С. 52-54.

Рогудеев В.В. Могильник Репный I и проблема преемственности посткатакомбных и раннесрубных памятников Среднего Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23-28 апреля 2001 г.). – Самара, 2001. – С. 404-413.

Рогудеев В.В. Южный импульс в конце эпохи средней бронзы (предварительное сообщение) // Археологические записки. – Ростов н/Д, 2002. – С. 140-153.

Рогудеев В.В. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Ростов н/Д, 2004. – Т. I. – С. 187-203.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987-1988 гг.) // Древности волго-донских степей. – Вып. 2. – Волгоград: Перемена, 1992. – С. 97-105.

Скарбовенко В.А. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. – Самара, 1999. – С. 143-160.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политодельское Сталинградской области // МИА. – 1959. – № 60. – Т. I. – С. 206-322.

Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // МИА. – 1960. – Т. II. – № 78: Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). – С. 169-272.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 84 с.

Сташенков Д.А. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара, 1999. – С. 25-41.

Сташенков Д.А. Раскопки Калиновского курганного могильника. Курганы I // Калиновский I курганный могильник. – Самара, 2006. – С. 7-23.

Тихонов В.В. Отчет на тему: «Об археологических исследованиях курганных могильников у села Широкий Карамыш Лысогорского района Саратовской области в зоне строительства газопровода Починки-Изобильное-Северо-Ставропольское ПХГ в 2003 г.». – НА ИА РАН.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы: в 2 ч. – Тюмень, 2002. – 532 с.

Ткачев В.В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: матер. междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 212-224.

Ткачев В.В. Курганный стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // АВЛ. – Вып. 19: Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2005. – С. 121-137.

Ткачев В.В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. – Челябинск: Рифей, 2006. – 75 с.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Челябинск: Рифей, 2006. – 137 с.

Ткачев В.В. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург, 2006. – С. 88-94.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы восточного Оренбуржья и северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – Вып. IV. – С. 27-53.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1900. – Вып. VIII. – 381 с.

Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003. – С. 275-292.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. – М., 2008. – Вып. 16. – С. 44-70.

Шарафутдинова Э.С. Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. – СПб., 2000. – С. 264-275.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. науч. конф. (23-28 апреля 2001 г.). – Самара, 2001. – С. 148-153.